

УДК 930.2 (571.1)

С.И. Рудковский

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В БАСЕЙНЕ Р. СЫНЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ЛОВ-САНГ-ХУМ III)**

Анализируются материалы поселения Лов-санг-хум III, позволяющие предположить наличие особого локального культурного типа в бассейне р. Сыня в период поздней бронзы. Особое внимание уделено истории открытия поселения и описанию окружающего ландшафта. Бассейн р. Сыня рассматривается как особая контактная зона между зауральским и нижнеобским населением, существовавшая на протяжении тысячелетий. Используя исторические и этнографические материалы, автор дает характеристику местному населению в контексте их контактов с соседними регионами.

Ключевые слова: период поздней бронзы, дольвинская культура, атлымская культура, Западная Сибирь

Интенсивное освоение севера Западной Сибири обусловило широкомасштабные археологические работы в районах, богатых нефтью и газом. Их результатом стало накопление значительной базы источников, позволившей построить культурно-хронологические схемы для северотаежных областей Западной Сибири. Однако стоит отметить, что значительные территории, на которых не велась активная разработка полезных ископаемых, а вследствие этого не развивались коммуникации, продолжали оставаться «белым пятном» на археологической карте. До недавнего времени период поздней бронзы на территории Ямало-Ненецкого АО оставался практически не изученным. Находки керамики этого времени случались весьма эпизодически, и происходят они из многослойных или разрушенных памятников (Пернашор, Хэ-яха, Тазовская IV). Крупных поселенческих комплексов, содержащих объекты этого времени, известно не было. Исследования, проведенные в 1990–2000-е гг. екатеринбургскими и томскими археологами в Шурышкарском районе ЯНАО, позволили серьезно изменить эту ситуацию.

На территории Шурышкарского района не ведется добыча полезных ископаемых, поэтому археологические исследования здесь производились эпизодически. Тем не менее в его границах находятся два крупных притока р. Обь: рр. Сыня и Войкар, чьи бассейны оставались практически не изученными. В 1993–1994 гг. Н.В. Федоровой и Е.В. Кочеговым были проведены разведки в нижнем и среднем течении этих рек. Среди множества открытых ими памятников стоит отметить поселение Югангорт IV на р. Войкар [1. С. 62–63], а также поселения Овалынгорт и Лов-санг-хум на р. Сыня [2. С. 5]. На всех этих памятниках присутствовала керамика периода поздней бронзы, а последние два вообще были выделены как однослойные. Кроме того, все указанные поселения

содержали визуально зафиксированные объекты. В 2002 г. отрядом Северотаежной экспедиции Томского госуниверситета под руководством С.И. Рудковского были проведены рекогносцировочные раскопки на всех указанных поселениях [3. С. 195–196]. Осмотр поселения Югангорт IV позволил зафиксировать шесть морфологически схожих западин, возле одной из которых был заложен разведочный раскоп. В результате был получен керамический материал исключительно периода поздней бронзы. К сожалению, стационарные работы на этом памятнике из-за его труднодоступности впоследствии не проводились. Работы на поселении Овалынгорт не подтвердили его позднебронзовый возраст, найденная керамика указывала на более раннее время существования памятника. Поселение Лов-санг-хум находится в одноименном урочище в среднем течении р. Сыня. Во время работ на памятнике собран подъемный материал: фрагменты позднеатлымской керамики. На поселении фиксируется около двух десятков округлых западин. Все они очень маленькие, самые крупные не превышают трех метров в диаметре. Раскопки не дали никаких находок. Несмотря на позднебронзовую керамику, найденную на берегу, внешний облик западин заставляет усомниться в их столь раннем возрасте. Позднее в 2004 г. в береговых сборах была найдена средневековая керамика, позволившая датировать поселение этим временем [4]. Однако находка атлымской керамики продиктовала необходимость более тщательных разведочных изысканий в урочище Лов-санг-хум. Продолженные автором поиски в 2003 г. привели к открытию крупного энеолитического поселения Лов-санг-хум II [5], а в 2004 г. – поселения периода поздней бронзы Лов-санг-хум III [4]. В ходе полевых сезонов 2006–2007 гг. раскопками были исследованы два жилища [7, 8]. Прежде чем обратиться к результатам работ, сле-

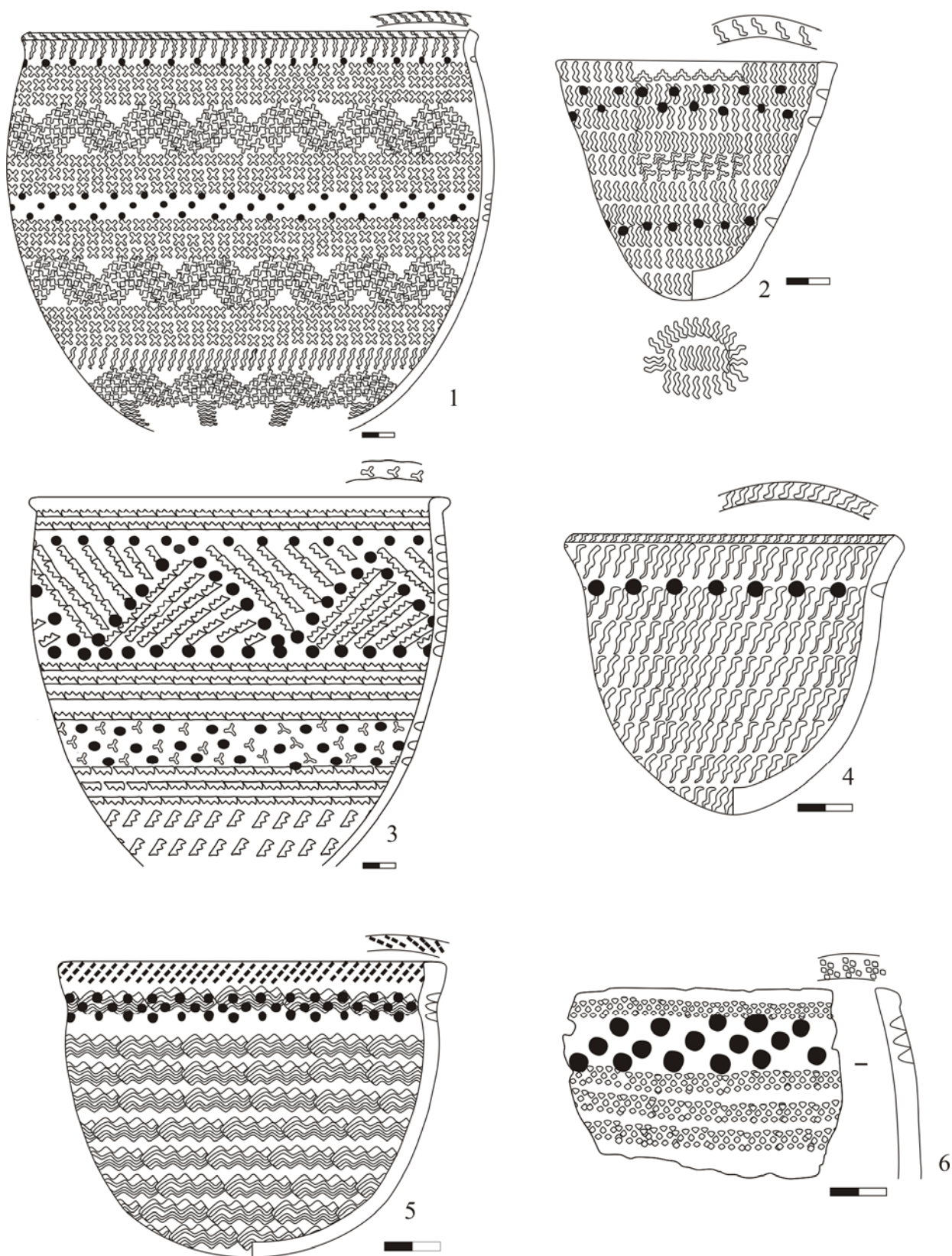

Рис. 1. Керамика поселения Лов-санг-хум III

дует остановиться на описании природного фона, окружающего поселение.

Река Сыня берет свое начало на склонах Уральских гор, что определяет ее характер: наличие перекастов, быстрое течение. В летние месяцы в верхнем и среднем течении она практически пересыхает. Течет она среди редкой тайги, с чертами лесотундры, перемежающейся болотами. Сыня – нерестовая река, богатая рыбой. Местные породы рыбы представлены здесь тайменем и хариусом. В большом количестве встречается полупроходная щука, сопровождающая идущие косяки рыбы. На нерест сюда поднимаются щекур, муксун, пыжьян, сырок, сосвинская и обская сельдь [9. С. 15]. Некоторые виды, по сообщению местных информаторов, поднимаются в верховья уже подо льдом. Верховья р. Сыня находятся в непосредственной близости от верховьев р. Ляпин, а точнее ее притока р. Хулга, что связывало население этих рек на протяжении нескольких тысячелетий.

Урочище Лов-санг-хум расположено на левом берегу р. Сыня, в среднем её течении, в 35 км от посёлка Овгорт. В этой части течения р. Сыня берега, как правило, низкие (3–5 м), плавно спускающиеся к реке. По низким берегам Сыни находится большое количество мелких заболоченных озер, отделенных от реки нешироким земляным валом. Урочище Лов-санг-хум очень заметное место, оно является господствующей высотой над окружающей местностью. Берег в этом месте представляет собой высокую (до 24 м) коренную террасу, протяжённость которой вдоль уреза воды около 300 м, затем она уходит в сторону от реки. У подножия террасы берег сложен из булыжника, образуя своеобразную естественную «мостовую». Сама терраса сложена из песка. Берег покрыт смешанным лиственнично-сосново-берёзовым лесом, граница которого проходит по нижнему краю склона. К северо-западу и юго-востоку склон полого понижается, к юго-западу – крутой. Часть склона образует яр, который постепенно затягивается тонким слоем дёрна. Коренные жители (сынские ханты) называют это высокое место Лов-санг-хум (место каменной лошади) по названию камней (валуны средних размеров, разбросанные по лесу, являются неотъемлемой частью ландшафта урочища), находящихся на краю террасы. Так же назывался и хантыйский поселок, располагавшийся в 200 м ниже по течению. На сегодняшний день от посёлка осталось несколько построек, и он носит сезонный характер. Вокруг поселка в лесу нередко встречаются предметы быта ханты.

Поселение Лов-санг-хум III расположено на высокой террасе (25 м) в 100 м от берега р. Сыня,

на мысу, с трёх сторон окруженном заболоченной низменностью. Низменность, вероятно, образована стоками нескольких деградировавших притоков р. Сыня. В низменности произрастает карликовая береза и угнетенное лиственнично-еловое редколесье. Площадка памятника покрыта редким смешанным лесом. На территории поселения зафиксировано несколько хантыйских ловушек на боровую дичь. В современном рельефе хорошо выражено девять различных по форме и размерам западин, глубиной около 1 м, площадью от 7 до 90 м². Жилища возводились с учётом местного рельефа и не имели чёткой ориентировки по сторонам света.

Жилище № 1 имело подквадратную форму. Длина стен составляет 6,0–6,4 м. Площадь котлована жилища равна приблизительно 39 м². Выход оформлен в виде узкого (около 0,8 м) коридора, длиной около 0,9 м, располагался посреди юго-восточной стены жилища. В связи с тем, что жилище возводилось на склоне, глубина котлована от дневной поверхности варьируется от 14 до 66 см. Квалифицировать постройку можно как полуземлянку. Среди других конструктивных особенностей жилища следует отметить укрепление стенок котлована обмазкой и отсутствие столбовых ям на полу жилища. Таким образом, жилище, вероятно, было типологически родственно чуму, и кровля опиралась непосредственно на края котлована. Жилище № 6 имело подпрямоугольную форму. Длина стен составляет 6,8–5,4 м. Площадь котлована жилища равна приблизительно 38 м². Выход сделан посредине юго-западной стены жилища и обращен в сторону реки. Оформлен в виде узкого (около 0,96 м) коридора, длиной около 1,5 м. Глубина котлована от дневной поверхности варьируется от 28 до 53 см, что позволяет говорить о полуземляночном характере постройки. Четким индикатором пола выступили прекрасно сохранившиеся деревянные нары. Они располагались вдоль юго-восточной стены жилища, начиная от восточного угла, и представляли собой конструкцию из широких плах, длиной около пяти и шириной – около двух метров.

Жилище № 6 мало чем отличается от предыдущего в конструктивном плане. Главной его особенностью является то, что в ходе раскопок в заполнении котлована найдены значительные фрагменты сгоревшей кровли. Это позволяет с большей достоверностью воссоздать облик постройки. Постройка имела четырехскатную крышу, которая опиралась на края котлована. Кровля была сооружена из плотно поставленных жердей, скрепленных двумя-тремя поперечинами. Сверху эта кон-

струкция была покрыта берестой (на это указывают многочисленные фрагменты бересты, найденные среди остатков сгоревшей кровли) и дерном. В центральной части жилища на полу зафиксировано несколько ям, которые можно интерпретировать в качестве столбовых. Среди сгоревших остатков кровли несколько фрагментов, вероятно, представляют собой остатки деревянной рамы, которая, опираясь на столбы, являлась каркасом для кровли. Внешне жилище выглядело как усеченная пирамида. Землянки подобной конструкции бытовали у сынских хантов вплоть до середины XX в. Их конструктивные особенности хорошо описаны З.П. Соколовой [8. С. 36].

Керамическая коллекция, собранная в жилище № 1 и непосредственно рядом с ним, включает более 400 фрагментов, не менее чем от 30 сосудов. Керамика сильно фрагментирована. В большинстве своём это обломки плоскодонных и остродонных сосудов с простыми или слабо профилированными венчиками. Основными орнаментальными мотивами выступают горизонтальные ряды вертикально и наклонно поставленных отпечатков струйного (рис. 1, 2) и гребенчатого штампа. Ямки, как правило, образуют горизонтальные зигзаги. Несложные композиции в виде зигзага, горизонтальных линий, выполненных крестовым штампом, встречаются более широко. Прокатанная техника нанесения орнамента представлена отпечатками рельефной волны (рис. 1, 5), сеткой (рис. 1, 6), образующими несложные горизонтальные и диагональные линейные мотивы. Особый интерес вызывает орнаментальная композиция одного из сосудов. На сохранившейся части наблюдаются широкая полоса из взаимопроникающих треугольников. Стороны треугольников подчеркнуты рядами ямочных вдавлений. Поля треугольников заполнены отпечатками гребёнки (рис. 1, 3). Вся керамика, найденная в жилище №1, по своим морфологическим особенностям является позднебронзовой. Наряду с временной однородностью керамики, очевидно, что в культурном плане она не демонстрирует единства. В коллекции присутствуют типично лозьвинские [11] остро- и плоскодонные сосуды, украшенные в фигурно-прокатанной технике, а также плоскодонные горшки, орнаментированные отпечатками струйного, крестового и гребенчатого штампа, сопоставимые с раннеатлымской [12] и барсовской [13] керамикой. Особый интерес представляет группа синкретичной посуды, где лозьвинские и нижнеобские традиции сочетаются в различных пропорциях. Это может проявляться в форме (ряд сосудов, украшенных в фигурно-штамповой манере

имеют округлое или приостренное донце) или в технике нанесения орнамента, когда на одном горшке могут встречаться косой штампованный крест и рельефная прокатанная волна или сетка. Если в лозьвинской керамике плоскодонные сосуды хотя и редко, но встречаются, то для нижнеобской керамики круглодонность и остродонность посуды в период поздней бронзы абсолютно не характерны.

Керамика, найденная в жилище № 6 (около 430 фрагментов, от не менее чем 36 сосудов), в целом сопоставима с коллекцией из жилища №1. Главным отличием является то, что при раскопках не обнаружено ни одного фрагмента плоских днищ сосудов. Кроме того, отмечен более низкий процент керамики с фигурно-прокатанной орнаментацией, за счет более широкого распространения струйного (рис. 1, 4) и крестового штампов (рис. 1, 1). Впрочем, это, вероятно, связано с тем, что в жилище № 1 были найдены многочисленные фрагменты одного очень крупного сосуда, украшенного прокатанной сеткой (рис. 1, 6). Каменный инвентарь на поселении представлен изделиями и отходами производства. Наибольшее количество предметов связано с обработкой кварца (183). Это сколы, отщепы, нуклеусы, скребки. Кремневая индустрия представлена 62 предметами (отщепы, пластины, скребки).

Наиболее яркими предметами являются модель массивного топора, выполненная из мягкого белого песчаника, два ретушированных наконечника стрелы, наконечник дротика (крупный скребок?) из черного камня и три шлифованных каменных топорика из серо-зеленой породы. Кроме того, найдена серия предметов, которые сложно интерпретировать как орудия – это три шлифованных цилиндрика разного размера и шлифованный же шарик, предмет из сланца, по форме напоминающий кость от игры домино. Во время раскопок жилища № 1 найдены шлифованный сланцевый наконечник стрелы, 2 крупных разбитых каменных шлифованных топора, с признаками вторичного использования в качестве отбойника и абразива и миниатюрный топорик из зелёной яшмы. С большой долей вероятности можно утверждать, что шлифованные рубящие орудия имеют происхождение с энеолитического поселения Ловсанг-хум II и использовались позднебронзовым населением уже вторично. На поселении Ловсанг-хум III зафиксированы остатки местного бронзолитейного производства, представленного обломками тигля и нескольких льячек с каплями бронзы.

Стоит отметить, что во время раскопок жилища №6 найдена и средневековая керамика. Вся она

была сосредоточена в дерновом слое в виде нескольких скоплений. Этот факт может указывать на то, что некоторые из малых западин поселения Лов-санг-хум III могут быть средневековыми. За пределами котлована жилища также найдены несколько фрагментов керамики, украшенных проташенной гребенкой. Эту керамику можно датировать ранней или развитой бронзой. Западина №4 на поселении сильно отличается своими морфологическими признаками от других западин, возможно, ранняя керамика происходит из этого объекта.

Таким образом, можно утверждать, что два раскопанных жилища составляли один поселок и, по крайней мере, три объекта на поселении датируются периодом поздней бронзы. Раскопки поселения Лов-санг-хум III поставили под сомнение предварительный вывод о присутствии на поселении носителей атлымской культуры. Керамика, которая была атрибутирована как раннеатлымская, оставлена носителями неизвестной культуры, хотя, возможно, и родственной последней (главное отличие от атлымской заключается в том, что большая часть посуды не плоскодонная, а кругло- или остродонная). Такая форма сосудов является отличительной чертой лозьвинской посуды и в керамике других культур периода поздней бронзы на севере Западной Сибири встречается очень редко. Судя по полученной керамической коллекции, на поселении Лов-санг-хум III совместно проживали представители различных культурных традиций. В результате этого сформировался особый синкретичный тип керамики, до настоящего момента не освещенный в литературе. На памятнике отчетливо фиксируются зауральские керамические традиции (лозьвинская культура), проникшие сюда, по всей видимости, из бассейна р. Северная Сосьва через р. Ляпин. На реке Северная Сосьва не велись раскопки «чистых» лозьвинских поселений, однако лозьвинская керамика обнаружена при раскопках Ясунского поселения [14] и поселения Сартынья I [15]. Помимо лозьвинской составляющей, на поселении Лов-санг-хум III прослежены яркие нижнеобские традиции, характеризующиеся фигурно-штамповой орнаментацией, находящей близкие аналоги в раннеатлымской керамике поселения Малый Атлым и барсовской из Сургутского Приобья.

Для поселения Лов-санг-хум III на данный момент получено две радиоуглеродные даты. Первая дата получена из образца сгоревшей кровли из заполнения котлована жилища №6. Некалиброванная дата составила 2720 ± 80 лет назад (Ле-8263). Образец дает право на очень широкую трактовку времени существования по-

селения: 1120 – 760 гг. до н.э. Вторая дата получена из фрагмента сгоревших нар с пола жилища №6. Она позволили скорректировать временной диапазон. Некалиброванная дата составила 2850 ± 35 лет назад (Ле-8264). Второй образец позволяет датировать поселение в рамках 1130 – 910 гг. до н.э. Эта датировка прекрасно соотносится с абсолютной датой, полученной для раннеатлымской керамики. Кроме того, следует отметить, что это первые абсолютные даты, полученные для лозьвинской керамики, которая до настоящего момента была датирована типологически [16. С. 167]. Этот факт позволяет ей окончательно стать равноправной среди других культур позднебронзового века Западной Сибири.

Говоря о причинах возникновения особого культурного образования, следует обратить внимание на то, как происходили культурные процессы на р. Сыня в другие эпохи. В связи с тем, что археологическое изучение Сыни началось сравнительно недавно, мы не располагаем данными по всем хронологическим пластам. На данный момент у нас есть яркие материалы по энеолиту и этнографическому недавнему прошлому. Уже для эпохи энеолита фиксируется устойчивая связь между бассейнами рр. Сыня и Северная Сосьва. Это находит свое отражение в факте существования однокультурных поселений на р. Ляпин (Ясунское) и р. Сыня (Лов-санг-хум II). Безусловно, существовали контакты и с европейской частью – несомненное сходство эти поселения обнаруживают с памятниками чужь-яёльской культуры [17].

Подобная направленность контактов фиксируется и этнографическими и историческими данными. Заселение р.Сыня произошло достаточно давно, но состав населения постоянно обновлялся за счет пришлого с Оби населения [8. С. 20]. Сынские ханты даже делят себя на две группы – сыня-ех (жившие здесь издавна) и послан-ех (пришедшие с Оби) [19. С. 43]. Местное хантыйское население на протяжении веков смешивалось с обскими и казымскими хантами, сосьвинскими и ляпинскими манси. Так, в XVIII в., помимо ханты, на р. Сыня переселялись и ляпинские манси, однако нет сведений о существовании компактных мест их проживания. По сообщениям информатора, с которым работала З.П. Соколова, многие фамилии сынских ханты связаны родством с ляпинскими вогулами через браки [8. С. 18]. Следует также отметить, что в самых старых фамилиях сынских ханты сохранилось предание о том, что они происходят от коми-зырян, переселившихся сюда из-за Урала и ассимилированных местным населением [21. С. 65].

Связь с европейской частью сохраняется и по сей день. Сынские ханты ведут комплексное хозяйство, включающее в себя оленеводство, рыболовство, охоту. Летом население выезжает рыбачить на р. Обь, оленеводы отгоняют стада на западные склоны Урала [8. С. 22]. З.П. Соколова, описывая традиционную культуру сынских хантов [8], не отмечает наличие в ней каких-либо следов мансийского влияния. Вероятно, традиция брачных контактов хантов и манси на момент ее посещения р. Сыня осталась в далеком прошлом. И.Н. Гемуев и А.В. Бауло изучая феномен жертвенных покровов среди северных групп манси и хантов, приходят к выводу, что активное продвижение манси на Обь в XVIII–XIX вв. привнесло сюда атрибутику, связанную с культом Мирсусне-хума [16. С. 52]. Они также фиксируют случаи, когда хантыйские жертвенные покрывала на р. Сыня выполнялись по одной выкройке с мансийскими покрывалами с р. Ляпин [16. С. 47]. Таким образом, р. Сыня на протяжении многих тысячелетий была особой территорией, на которой происходила встреча зауральских и нижеобских традиций. В период поздней бронзы это взаимодействие привело к сложению особого типа памятников. Керамика поселения Лов-санг-хум III ярко демонстрирует симбиоз крестово-ямочной и фигурно-прокатанной традиции в орнаментации. Она самобытна настолько, что диктует необходимость выделения локального сынского культурного типа периода поздней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург, 1994. 114 с.
2. Кочегов Е.И., Федорова Н.В. Отчёт об археологической разведке в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа (река Сыня и её притоки Несьёган и Лесмиёган). Екатеринбург, 1995.
3. Рудковский С.И. Археологические исследования на памятниках эпохи бронзы в бассейнах рр. Сыня и Войкар в 2002 г. // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времён до современности): Материалы XLIV региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. Кемерово, 2004. С. 195–197.
4. Рудковский С.И. Археологические работы в урочище Лов-санг-хум // Археологические открытия 2004 года. М.: Наука, 2005. С. 478–479.
5. Рудковский С.И. Археологические работы в бассейне р. Сыня // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 462.
6. Рудковский С.И. Отчёт о раскопках поселения Лов-санг-хум III в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа (бассейн р. Сыня) в 2006 году. Северск, 2007. 91 с.
7. Рудковский С.И. Отчёт о раскопках работ в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа (бассейн р. Сыня) в 2007 году. Северск, 2008. 115 с.
8. Соколова З.П. Ханты рр. Сыня и Куноват (Этнографический очерк) // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972. С. 15–66.
9. Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штамповой орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 254–270.
10. Васильев Е.А. Северо-Тажённое Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 3–14.
11. Чемякин Ю.П., Кокшаров С.Ф. Поселение начала I тыс. до н. э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984, С. 115–130.
12. Васильев Е.А. Отчёт о полевых работах Северотаёжного отряда археологической экспедиции Томского государственного университета в 1989 г. Томск, 1994.
13. Васильев Е.А. Отчет о полевых работах Северотаёжного археологического отряда летом 1979 г. Томск, 1980. 36 с.
14. Сладкова Л.Н. Лозьвинская культура эпохи поздней бронзы таежного Зауралья – Западная Сибирь // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 165–167.
15. Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 228–229.
16. Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. Новосибирск, 2001. 160 с.